

ОТРАЖЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ КНИЖНО-ПИСЬМЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В СПИСКАХ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Е. Н. Бекасова

Оренбургский государственный педагогический университет

Л. М. Устюгова

Ужгородский национальный университет (Украина)

Поступила в редакцию 5 февраля 2016 г.

Аннотация: авторы статьи доказывают, что расхождения в использовании генетически соотносительных *-trat-/-torot-* лексем в шести основных списках «Повести временных лет» не связаны с деятельностью позднейших ее переписчиков, которые вносили только отдельные изменения в язык копируемого памятника, а отражают его особенности, обусловленные спецификой двух редакций в соответствии с реализацией книжно-письменных традиций различных скрипториев Древней Руси.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», редакции и списки памятников письменности, *-torot-* или *-trat-* лексем, генезис восточнославянского литературного языка.

Abstract: the article claims that divergences in the use of genetically correlative *-trat-/-torot-* lexemes in six main versions of «The Primary Chronicle» aren't connected with activity of its latest copyists who brought only individual changes in the language of the copied manuscript, and reflect primordially inherent features caused by specifics of two editions according to written traditions of various scriptorius in Ancient Russia.

Key words: the Primary Chronicle, versions of ancient manuscripts, *-torot-/-trat-* lexemes, genesis of the East Slavic literary language.

Выдающийся памятник древнерусской письменности «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ), имея уже 900-летнюю историю существования, неоднократно был и продолжает оставаться предметом пристального внимания историков, литературоведов, лингвистов. Он таит в себе еще много информативно значимого материала, ждущего своего исследователя.

Для лингвистов, занимающихся проблемами «вековых отношений церковнославянского и русского языков», ПВЛ представляет особый интерес, поскольку язык данного памятника характеризуется широким совмещением элементов высокой церковнославянской книжности и живой восточнославянской речи. Одним из способов более глубокого проникновения в сущность взаимодействия книжного и разговорного «начал» в процессе становления и развития древнерусского литературного языка является сравнительное изучение функций лексем с соотносительными диагностическими признаками старославянского (южнославянского) и восточнославянского происхождения по нескольким спискам памятника, поскольку «лексические или иные речевые варианты, имеющиеся в многочисленных списках русских летописей, представляют собой не простые исправления или искажения более раннего текста, а языковые факты, в которых отразилась многовековая история

русского литературного языка» [1, с. 18]. При таком изучении создаются достаточно мотивированные предпосылки для выявления тех изменений в использовании лексем с соотносительными южнославянскими и восточнославянскими по происхождению рефлексам, которые могли быть обусловлены, во-первых, отражением в различных списках одного и того же произведения книжно-письменных традиций территориально отдаленных скрипториев Древней Руси, а во-вторых, различной временной принадлежностью этих списков.

Цель данной статьи – определить, в какой мере соотносительность шести основных списков ПВЛ с территориально отдаленными скрипториями различных областей Руси отразилась на предпочтительном употреблении того или иного члена генетически соотносительных пар. Привлекаемые для исследования списки памятника – Лаврентьевский, Ипатьевский, Академический, Радзивилловский, Хлебниковский, Погодинский (далее – Л-список, И-список, А-список, Р-список, Х-список, П-список, соответственно) – различаются территориальной приуроченностью (юго-восток, запад, северо-запад, юг и юго-запад Руси) и временной (XIV – начало XVII в.), а также отражением в них различных редакций ПВЛ (1116 и 1118 гг.).

Настоящая статья связана с исследованиями, посвященными особенностям использования в списках ПВЛ соотносительных лексем [2–6], в том числе

с неполногласными (-trat-) и полногласными (-torot-) сочетаниями. Знакомство с новыми гипотезами об истории текста ПВЛ дает основание присоединиться к мнению А. В. Севальнева, оценивающего взгляды критиков концепции А. А. Шахматова как «основанные на различных посылках и оттого никогда не сводившиеся в единую концепцию» [7, с. 62]. Поэтому в данной статье мы сохраняем положение о существовании 2-й (1118 г.) редакции ПВЛ и о связи ее с именем Мстислава – сына Владимира Мономаха.

Проведенный нами сравнительный анализ совпадающих случаев употребления -trat-/-torot-лексем типа *брегъ/берегъ, глава/голова*, а также выявленных разночтений в их использовании между шестью основными списками ПВЛ показал, что наиболее последовательный и систематизированный характер имеют разночтения между списками Лаврентьевской группы (Л-список, А-список, Р-список), с одной стороны, и списками Ипатьевской группы (И-список, Х-список, П-список), с другой стороны.

Исследователи давно обратили внимание на тот факт, что между Л- и И-списками ПВЛ существует целый ряд различий в языке, касающихся прежде всего соотношения лексем с генетически неоднородными рефлексам праславянских сочетаний. Однако лексические особенности по И-списку в период, когда главной задачей считались поиски «подлинного» Нестора, рассматривались в основном как отступления от первоначального оригинала и предметом глубокого и всестороннего анализа не являлись. Именно этим можно объяснить противоречивость оценок языка ПВЛ по И-списку. Так, исследователь русских летописей В. М. Перевощиков указывал, что Ипатьевская летопись «по слововыражению» ясно показывает киевское наречие [8, с. 12–14]. П. А. Лавровский, наоборот, полагал, что «язык Ипатьевской летописи <...> не представляет в формальном отношении никакой разницы с летописями северными» [9, с. 15]. О том, что севернорусские писцы привнесли много элементов севернорусского наречия в южнорусский оригинал Ипатьевской летописи, писал и А. А. Никольский [10, с. 28–37]. Л. П. Якубинский полагал, что в той редакции ПВЛ, которая наиболее полно отразилась в И-списке, «значительно сглажен церковнославянский налет, сохраненный в Лаврентьевском списке» [11, с. 303–309], а С. А. Бугославский многие чтения И- и сходных с ним списков считал старшими по сравнению с чтениями Л-списка [12, с. 28–37].

Проведенное нами сравнительное изучение указанных диагностирующих признаков по нескольким спискам ПВЛ дает основание отказаться от попытки квалифицировать большинство случаев употребления лексем с восточнославянскими приметами в И-списке в соответствии с южнославянскими Л-списка как ре-

зультат деятельности позднейших севернорусских переписчиков, поскольку восточнославянские корреляты И-списка в подавляющем большинстве случаев отражены в Х- и П-списках, бытовавших, как известно, на юге и юго-западе Руси. Следовательно, эти лексемы с восточнославянскими по происхождению рефлексам уже были в протографе списков И-группы. Кроме того, нами установлено, что тенденция к преимущественному использованию -torot- или -trat-лексем в И-списке связана с более последовательным, чем в Л-списке, разграничением контекстов народно-литературного и книжно-славянского типов языка. (Типы литературного языка определяются в соответствии с концепциями В. В. Виноградова и А. И. Горшкова.)

Особенностью списков И-группы, и самого И-списка, в частности, является сравнительно свободное использование в контекстах народно-литературного типа языка -torot-лексем в соответствии с -trat-лексемами Л-списка. Ср.: *аще не поидеши ни обраниши насъ*¹ (Л-968, 39) – *ни оборониши* (И-, 50); *влачиши трупъ изъ гробли* (Л-977, 46) – *волочиши* (И-, 56); *поставиши стяга два предъ враты манастирьскими* (Л-1096, 153) – *предъ ворота* (И-, 167); *Мьстиславъ же възвратився вспять Суждалю* (Л-1096, 172) – *узворотися* (И-, 173); и др.

В контекстах же книжно-славянского типа языка зафиксирован целый ряд примеров, когда -trat-лексеме И-списка соответствует -torot-лексема в Л-списке. Ср.: *се же бе невегласъ* (И-980, 60) – *невеголось* (Л-, 50); *кождо свои нравъ прияхи по дьяволю научению* (И-986, 73) – *своя норovy* (Л-, 59); *Глебу же ... повержену бывшию на брезу межю двема кладома* (И-1015, 100) – *межю двема колодама* (Л-, 93); *манастирь оградиха столпемъ* (И-1051, 116) – *огородиха* (Л-, 106); *всякими льстми превабляет ны отъ бога трубами скомрахи и гульми* (И-1068, 123) – *скоморохи* (Л-, 114); *види се толпа поиде от вратъ* (И-1074, 138) – *от воротъ* (Л-, 128); *ядяху и женские изъврагы* (И-1096, 170) – *изворогы* (Л-, 169); *заложу ... церковь на златыхъ вратехъ* (И-1037, 110) – *на золотыхъ воротехъ* (Л-, 102); *вложиха и во сробе мраморяни* (И-1015, 95) – *в корсту мороморяну* (Л-, 89); и т.д.

Систематизированный характер разночтений между Л- и И-списками в употреблении коррелятив-

¹ Графика примеров из текста ПВЛ максимально приближена к современной. Необходимость учета особенностей контекста, в котором зафиксирована анализируемая лексема, заставила нас отказаться от общепринятых отсылок к примерам из рукописей с обозначением листа и строки. После примера из текста ПВЛ прописной буквой обозначается список памятника, далее идет указание года летописной статьи в переводе на современное летоисчисление и страницы издания рукописи или самой рукописи.

ных -trat-/torot-лексем, соотносительность этих различий с определенными литературно-повествовательными традициями (или, в соответствии с современными терминами, *нарративными традициями*) дают основание предполагать, что данные различия складывались не под пером простых переписчиков-копиистов, вносящих только отдельные изменения в язык копируемого оригинала, а появились в результате редакторских правок и, возможно, связаны с теми различиями в употреблении генетически соотносительных лексем, которые исконно существовали между 1-й (1116 г.) и 2-й (1118 г.) редакциями ПВЛ.

Во всяком случае, предположение Л. П. Якубинского и других исследователей, в том числе и современных, о том, что редакция 1118 г., наиболее полно отразившаяся в списках И-группы, была выдержана в духе литературных традиций, господствовавших в окружении Мономаха [11, с. 303], нам представляется не лишенным оснований. А если учесть, что Мстислав, с именем которого принято связывать указанную редакцию, «умный, энергичный и образованный князь», был, как и его отец Владимир Мономах, писателем и оставил «заметные следы в культурной жизни Новгорода» [13, с. 17, 20], предположение о возможности отражения в редакции 1118 г. некоторых книжно-письменных традиций новгородских скрипториев кажется весьма логичным.

В связи с этим следует отметить, что те особенности, которыми текст ПВЛ по И-списку отличается от текста данного памятника, представленного в Л-списке, теснейшим образом связаны со своеобразием новгородского летописания и всей новгородской литературы периода раннего средневековья.

Известно, что современная запись событий с указанием точных дат в Новгороде началась значительно раньше, чем в Киеве (с 1015 г.). Эти записи в Новгороде велись «как своего рода документы: кратко, деловито, непринужденно» [14, с. 157]. Принято считать, что Новгородскую летопись в целом «характеризует крепкое бытовое просторечие и разговорные обороты языка, которые придают ей тот характер демократичности, которого мы не встречаем затем в московском летописании, ни перед тем – в южном» [15, с. 120].

Киевское же летописание началось с переизложения уже существовавших, т.е. имеющих определенную литературную традицию, исторических произведений о прошлом, которое дополнялось событиями настоящего. Поэтому первые киевские летописи – это прежде всего литературные произведения со своими повествовательными традициями, со своими приемами литературной отделки текста. И. В. Ягич отмечал, что ввиду более тесной связи Киева с Константинополем и с южными славянами «господство чистого церковного языка (в киевских

памятниках. – Е. Б., Л. У.) продолжало быть сильнее и сознательнее, чем на далеком севере» [16, с. 5].

Наше исследование показало, что та редакторская правка, следы которой сохранились в И-списке, почти не коснулась собственно литературных частей ПВЛ, не затронула основных повествовательных традиций, характерных для этого южнорусского памятника. Наибольшее количество различий в употреблении генетически соотносительных коррелятов между Л- и И-списками выявлено в тех частях ПВЛ, которые отражают документальные летописные рассказы о происходящих событиях, т.е. внимание редактора привлекли только те языковые факты, которые не соответствовали уже сложившимся традициям новгородского летописания. Именно для этих частей ПВЛ характерно следующее соотношение: -trat-лексема Л-списка в И-списке соответствует -torot-лексема.

В текстах же, так или иначе связанных с религиозной тематикой, в списках И-группы отмечен целый ряд примеров употребления -trat-лексем в соответствии с зафиксированными в списках Л-группы -torot-лексемами, что указывает на стремление редактора текста ПВЛ, отраженного в списках И-группы, к более четкому разграничению контекстов книжно-славянского типа от контекстов народно-литературного типа древнерусского литературного языка. Редактор 1118 г. хорошо осознавал различия, существовавшие между повествовательными традициями летописи и произведений конфессиональной литературы, поэтому в текстах, так или иначе связанных с религиозной тематикой, он произвел многочисленные замены лексем с восточнославянскими приметами генетическими соответствиями. Других изменений в контекстах книжно-славянского типа языка редактор не мог произвести, так как установлено, что первые новгородские жития мало отличались от переводных житий в плане отражения каких-либо особенностей литературной манеры [15, с. 121].

В правомерности предположения о том, что выявленные между списками Л- и И-группы различия в употреблении -trat-/torot-лексем связаны прежде всего с особенностями двух редакций ПВЛ, убеждает и характер различий между ранними и поздними списками внутри каждой группы, наблюдения над которыми показали, что эти различия не отличаются такой систематичностью и последовательностью, как различия между Л- и И-списками, и не связаны с реализацией определенных повествовательных традиций. В анализируемых списках есть отдельные примеры, которые можно расценивать как факты отражения некоторых диалектных особенностей писцов в текстах копируемых ими памятников. К ним можно отнести лексемы *переже* (статьи 1091 и 1093 гг. – 2 примера) и *верема* (статьи 1092, 1095 и

1096 гг. – всего 6 примеров) в И-списке, а также несколько -*torot*-лексем в Р-списке. Ср.: *в се же ве-ремя пришелъ Славята* (И-1095, 164) – *в то же время* (Л-, 150); *бе бо ему возвещено переже дньемь единемь* (И-1091, 153) – *преже* (Л-, 140); *Володимеръ же ... река яко то столь отьца моего переже былъ* (И-1093, 157) – *преже* (Л-, 144); и др.

Необходимо отметить случай переноса со строки на строку в рукописи И-списка лексемы *ве-ремя*: *в си же ве-ремена мнози чьловеци умираху* (И-1092, 156) – *времена* (Л-, 143). Наличие полногласия в этом случае может быть обусловлено правилами переноса, предписывающими оканчивать часть слова на гласный (ср. разные возможности для переноса лексем с полногласием и неполногласием: *го-лова* и *голо-ва*), но только *гла-ва*. Это также ужесточалось требованием соблюдать четкие поля, поскольку «в памятниках XI–XIV вв., писанных уставом и полууставом, недописывание обычно не превышало половины ширины буквы» [17, с. 47], что было особенно актуально для рукописей, написанных в два столбца, к которым и относится Ипатьевская летопись. В пользу достоверности такого предположения также свидетельствует обоснование Т. Н. Кандауровой случаев орфографической обусловленности употребления слов с полногласными сочетаниями, которым объясняется, по подсчетам автора, четверть всех выявленных ею случаев фиксации полногласных лексем в памятниках XI–XIV вв. [18].

Особо следует выделить несколько, видимо, регионально обусловленных -*trot*-лексем в Р-списке, например: *заложы ... церковь на злотыхъ воротехъ* (Р-1037, 87) – *на золотыхъ воротехъ* (Л-, 102); *на златыхъ воротехъ* (А-, 79); *людье послаша къ Святославу и къ Всеславу глаголюще ... намъ неволя зажегше градъ свои ступимъ въ Грецкую землю* (Р-1069, 101) – *градъ* (Л-, 116; А- как Л-); *Мстиславъ поиде к Новугороду в градъ свои* (Р-1096, 137) – *в свои градъ* (Л-, 172); *в городъ свои* (А-, 127); *отьць тя зоветь не сдровитъ бо велми* (Р-1015, 75) – *не сдравитъ* (Л-, 92); *не здоровитъ* (А-, 71); *бяху бо людье погани и невеглоси* (Р-907, 16) – *невеголоси* (А-, 13) и некоторые другие. Характерно, что «полонизмы» Р-списка в большинстве своем соответствуют -*torot*-лексемам, зафиксированным в других списках Л-группы, т.е. получается, что писец «не мог задерживать в своем языке» особенности своего наречия, подменяя им восточнославянское полногласие, не трогая «силу книжного языка старославянского» [19, с. 86] в виде неполногласия. Необходимо подчеркнуть, что количество таких замен в целом незначительно, и это является еще одним свидетельством в пользу того, что севернорусские писцы в копии-предшественницы И-списка, да и в сам И-список, привнесли значительно меньше -*torot*-лексем, чем принято считать.

Случаи «вторичного» проникновения восточнославянских по происхождению элементов накапливались в списках ПВЛ по крупицам в течение целых веков, а выявленные различия в использовании генетически соотносительных лексем между списками Л-группы и списками И-группы могли возникнуть только в результате последовательной редакторской правки, осуществленной в тот период, когда ПВЛ ценилась не только как литературное произведение, но и как своеобразный исторический документ, обосновывавший сложившееся к началу XII в. распределение власти и земель на территории Древней Руси², т.е., вероятнее всего, в период возникновения редакции 1118 г.

Таким образом, основные различия в использовании -*trat*-/*-torot*-лексем, выявленные между списками Л- и И-групп, не связаны с деятельностью позднейших переписчиков ПВЛ, которые вносили только отдельные изменения в язык копируемого памятника. Исследованные разночтения исконно присущи двум редакциям памятника и отражают особенности книжно-письменных традиций различных скрипториев Древней Руси. Только приняв это предположение, можно понять и объяснить те многочисленные разночтения в употреблении коррелятивных пар с полногласием и неполногласием, которые зафиксированы между Л- и И-списками и в целом между списками Л- и И-групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) / Ф. П. Филин. – Л., 1949.
2. Устюгова Л. М. Характер различий в использовании книжнославянизмов и соотносительных русизмов в основных списках «Повести временных лет» (к проблеме становления норм русского литературного языка) : дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Устюгова. – М., 1974.
3. Бекасова Е. Н. Генетический фон древнерусского текста / Е. Н. Бекасова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2010.
4. Бекасова Е. Н. О закономерностях генетической организации летописного и былинного текстов / Е. Н. Бекасова // Русский язык и литература в школе и вузе : проблемы изучения и преподавания : сб. науч. трудов. – Горловка, 2010. – С. 14–20.
5. Бекасова Е. Н. Векторы интерпретации текста : структуры, смыслы, генезис / Е. Н. Бекасова, Г. Г. Москальчук, В. Ю. Прокофьева. – М. : Спутник+, 2013. – С. 150–208.
6. Бекасова Е. Н. К проблеме соотношения церковнославянизмов и русизмов в тексте «Повести временных

² Ср. данные М. Д. Приселкова о том, что русские летописные своды возились в Орду для решения споров претендентов на великокняжеский престол [20, с. 7–10].

лет» / Е. Н. Бекасова, Л. М. Устюгова // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии : материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 26–28 ноября 2013 г.) / ред. кол.: М. Л. Ремнева [и др.]. – М. : МАКС Пресс, 2013. – С. 24–27.

7. Севальнев А. В. К критике гипотезы о Начальном своде / А. В. Севальнев // Материалы Междунар. конф. «Повесть временных лет и начальное летописание» (к 100-летию книги А. А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах») (г. Москва, 22–25 октября 2008 г.) – С. 61–63.

8. Перевошиков В. М. О русских летописях и летописателях до 1240 года / В. М. Перевошиков. – СПб., 1836.

9. Лавровский П. А. О языке северных русских летописей / П. А. Лавровский. – СПб., 1852.

10. Никольский А. А. О языке Ипатской летописи / А. А. Никольский. – Варшава, 1899.

11. Якубинский Л. П. История древнерусского языка / Л. П. Якубинский. – М. : Учпедгиз, 1953.

12. Бугославский С. А. «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст / С. А. Бугославский // Старинная русская повесть. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941.

13. Лихачёв Д. С. Новгород великий. Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. / Д. С. Лихачёв. – М. : Советская Россия, 1959.

14. Лихачёв Д. С. Возникновение русской литературы / Д. С. Лихачёв. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952.

15. История русской литературы. – М. : Изд-во АН СССР, 1946. – Т. 2, ч. 1.

16. Ягич И. В. Критические заметки по истории русского языка / И. В. Ягич. – СПб., 1889.

Оренбургский государственный педагогический университет

Бекасова Е. Н., доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка
E-mail: bekasova@mail.ru
Тел.: 8-922-552-93-29

Ужгородский национальный университет (Украина)

Устюгова Л. М., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка
E-mail: ustyugova_l_m@mail.ru

17. Дурново Н. Н. Casopis pro slovanskou filologii / Н. Н. Дурново. – Slavia, 1933.

18. Кандаурова Т. Н. Случаи орфографической обусловленности слов с полногласием в памятниках XI–XIV вв. / Т. Н. Кандаурова // Памятники древнерусской письменности : Язык и текстология. – М. : Наука, 1968. – С. 7–18.

19. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский ; вступ. ст. С. Г. Бархударова. – Изд. 3-е стер. – М. : КомКнига, 2007. – (История языков народов Европы).

20. Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Приселков. – Л., 1940.

ИСТОЧНИКИ

21. Летопись Нестора с продолжением до 1419 г. Рукопись б. Московской Духовной Академии. – Москва, Российская государственная библиотека, Ф. 176, № 236.

22. Нестерова Российская летопись. – Петербург, Российская национальная библиотека, F. IV. 230 (Хлебниковский список).

23. Повесть временных лет по Ипатскому списку. Изд. Археограф. комиссии (фотолитограф. способом). – СПб., 1871.

24. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Изд. Археограф. комиссии (посредством светопечати). – СПб., 1872.

25. Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Фототип. Общество любителей древней письменности. – СПб., 1902.

26. Собрание Погодина, № 1401. – СПб., Российская национальная библиотека (Погодинский список).

Orenburg State Pedagogical University

Bekasova E. N., Associate Professor, Professor of the Russian Language and Methods of Teaching Russian Department

E-mail: bekasova@mail.ru

Tel.: 8-922-552-93-29

Uzhgorod National University (Ukraine)

Ustyugova L. M., Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian Language Department

E-mail: ustyugova_l_m@mail.ru